

Предисловие переводчика

Тридцатилетняя война, продолжавшаяся с 1618 по 1648 год, стала одним из крупнейших конфликтов в европейской истории. В германской историографии она получила название «немецкой катастрофы», разорившей и опустошившей германские земли, закрепившей их политическую раздробленность и отставание от более успешных стран Западной Европы. В особенности в трудах историков XIX века — эпохи расцвета национальной идеи — на первый план выходил мотив возвышения соседних государств, в первую очередь Франции, за счет растерзанной ими Германии.

И действительно, боевые действия Тридцатилетней войны нанесли очень тяжелый урон Священной Римской империи германской нации (или просто Империи), на территории которой они разворачивались. Был ли этот урон фатальным, учитывая, что воевали в то время много, часто и жестоко и другие страны тоже страдали от опустошительных набегов? С точки зрения современных историков, ответ уже

не столь однозначен. Да и сама Тридцатилетняя война рассматривается в другом, более широком, глобальном контексте.

В первой половине XVII века по всей Европе прокатилась волна вооруженных конфликтов. Они включали в себя и поддержку англичанами французских гугенотов (знаменитая благодаря произведению Александра Дюма осада Ла-Рошели), и борьбу между испанцами и французами в Италии, и восстание португальцев против владычества Габсбургов. Все эти боевые действия были тесно связаны с происходящим в Империи, даже если обычно мы не считаем их частью Тридцатилетней войны. Так, Россия, начав в 1632 году войну против Речи Посполитой (Смоленская война), тем самым обеспечивала тыл шведского короля Густава II Адольфа, который до этого вел долгую и изнурительную войну против Речи Посполитой. Москва и Стокгольм являлись фактически союзниками, и русские цари субсидировали шведов, разрешая им покупать хлеб по низким ценам и продавать его потом с большой прибылью на рынках Западной Европы.

Однако эта система взаимосвязанных конфликтов не ограничивалась Европой. Тридцатилетняя война — в широком смысле этого

понятия — была поистине глобальной и, по-хорошему, может быть без всякой натяжки названа первой *мировой* войной. Голландцы сражались с испанцами и португальцами и в Западном полушарии, и в юго-восточной Азии, и в Индийском океане. Особенно ожесточенной была борьба за Бразилию и за Острова пряностей. Значительное влияние на происходящее в Европе оказали и турецко-персидские войны, лишившие Османскую империю возможности активно выступить против Габсбургов.

Итоги Тридцатилетней войны также оказались весьма значимыми в истории как Европы, так и всего мира. Еще не так давно с заключения Вестфальского мира отсчитывали всю современную историю международных отношений. Сегодня эта точка зрения все чаще подвергается критике — мирные договоры 1648 года не открыли новую эпоху в европейской политике и скорее зафиксировали то, что уже существовало на данный момент. Тем не менее, драматических изменений в первой половине XVII века хватило. Испания окончательно утратила свое могущество и стала тенью некогда грозной империи, перед которой дрожала вся Европа. На ее место выдвинулась Франция, которая в течение двух следующих

веков будет претендовать на доминирующую роль в системе. В Империи отдельные княжества смогли еще раз подтвердить свой суверенитет и почти символический характер императорской власти. В Балтийском регионе на лидирующую позицию выдвинулась Швеция, а центром европейской экономики стала Республика Соединенных Провинций (Голландия), получившая в 1648 году окончательную независимость от Испании. За пределами Европы «молодые» колониальные державы — Англия, Франция и Голландия — стремительно вытесняли «старые», Испанию и Португалию, которым с трудом удавалось защищать уже имевшиеся у них владения.

Тридцатилетняя война интересна еще в двух отношениях. Во-первых, ее можно назвать последней в Европе религиозной войной. С середины XVII века вопрос конфессии не играл уже столь значимой роли в европейской политике, а войны практически полностью лишились какой-либо религиозной окраски. Во-вторых, она стала высшей точкой и одновременно началом конца эпохи наемников. На полях Тридцатилетней войны друг с другом сражались пестрые наемные армии, а деньги самым непосредственным образом трансформировались в солдат. Каждый полк

был, говоря современным языком, частной военной компанией, которая должна была приносить своему владельцу прибыль. Оплата услуг этих компаний была постоянной головной болью для европейских монархов. Наемные армии грабили и разоряли все на своем пути, не щадили ни своих, ни чужих, и поэтому ужасы Тридцатилетней войны приобрели хрестоматийный характер, надолго оставшись в памяти европейцев. Но в то же время начался постепенный переход к новой модели — к постоянной армии, к четкой и хорошо организованной военной структуре, находившейся целиком и полностью в руках монарха. Содержание такой армии тоже стоило недешево, и на смену сословной монархии раннего Нового времени стало приходить более эффективное, централизованное, бюрократическое государство, которое принято называть абсолютистским.

Альбрехт фон Валленштейн стал, пожалуй, самым знаменитым участником Тридцатилетней войны. Его быстрый взлет и трагическая гибель, его талант организатора и абсолютная беспринципность невольно привлекали внимание. Для немецких историков эпохи национализма, смотревших на прошлое через призму «германской миссии» протестантской

Пруссии, Валленштейн представлял собой некоторую проблему. С одной стороны, он сражался за католиков и за Австрию, непосредственно участвовал в ужасном разорении немецких земель. С другой — стремился усилить единство Германии в противовес княжескому сепаратизму. Валленштейн и в действительности был весьма сложной личностью. Честолюбивый, беспринципный, жестокий и безжалостный, идеальный командир наемников, он, тем не менее, мог выступить в роли мудрого и талантливого правителя, верного друга и любящего отца. Его безразличие к религиозным вопросам было положительным качеством в эпоху, когда людей убивали просто из-за того, что они иначе молились Иисусу. Неслучайно эта личность обладала огромной притягательной силой как для современников, так и для потомков. Легенды о нем стали складываться еще при его жизни, а великий немецкий писатель Фридрих Шиллер посвятил ему одну из главных своих драм. Трилогия «Валленштейн» стала одним из главных произведений классической немецкой литературы; главный герой предстает в ней как сложная, многогранная, трагическая фигура.

На сегодняшний день на русском языке не существует полноценной биографии

Валленштейна. Зато огромное количество произведений о нем, что неудивительно, существует на немецком языке. В Германии его жизнь и деятельность были хорошо изучены уже к концу XIX века. Именно поэтому представленная читателю книга Ганса Шульца, опубликованная в 1898 году, не утратила своей актуальности. Чтобы сделать ее более доступной отечественному читателю, перевод осуществлен с небольшими сокращениями, не влияющими на основное содержание текста.

Николай Власов

1. Бурная эпоха

Судьба Валленштейна, в первую очередь его ужасное падение с головокружительной высоты, всегда вызывала желание изучить побудительные мотивы и характер этого человека, равно как и характер его эпохи. Его жизнь ясно показывает, в какой степени личность является продуктом своего времени. В то же время нельзя не заметить, с каким талантом и энергией он ставил себе на службу силы этой эпохи, как он стремился воплотить в жизнь идеи, принесенные невидимым, но отчетливо слышимым потоком времен. В то время друг другу противостояли два политических принципа, и обоим он успел послужить.

В то время, когда Валленштейн появился на свет, Германии приходилось искать свой путь в новых условиях, созданных Реформацией. Император Карл V не смог достичь цели всей своей жизни — не создал универсальной империи, которая была бы возможна только в том случае, если бы весь христианский мир принадлежал одной Церкви. К несчастью

для него, именно во время его правления монах из Виттенберга¹ выступил за очищение старой церкви. Чтобы использовать ресурсы Германии для достижения своих политических целей, император вынужден был сделать немцам неудобные для него уступки; борясь с новым религиозным и национальным движением, он оказался втянут в распри с немецкими князьями², которые кончились крушением императорской власти.

Разочарованный, Карл оставил своего брата Фердинанда вести переговоры с князьями. На Аугсбургском рейхстаге 1555 года мир был заключен. Сословиям было разрешено исповедовать Аугсбургскую веру³, а религию подданных определял их князь — «чья власть, того и вера», далекое отступление от евангелической свободы. Только духовные князья не пользовались правом выбора — они должны

¹ Имеется в виду Мартин Лютер.

² Термин «князь» как в немецком, так и в русском языке может употребляться двояко. С одной стороны, это дворянский титул. С другой — князьями называли всех суверенных правителей территориальных образований, существовавших в Империи. Разница между этими двумя понятиями обычно вполне очевидна из контекста.

³ Так с 1530 года называли лютеранство.

были оставаться католиками. Если же один из них переходил в протестантизм, то должен был немедленно оставить свой пост. Однако поскольку во многих монастырских владениях, особенно на севере Германии, большинство обитателей уже приняли новую веру, Фердинанд по требованию лютеран в письменном виде разрешил жителям церковных княжеств свободно исповедовать ее.

Однако ни одна из двух конфессий не признала невыгодные для себя условия. Немецкий народ не получил ни религиозного единства, ни религиозной свободы; заключенный мир таил в себе зерно новых распрей и ожесточенной вражды. Протестантизм постепенно овладел Германией. Почти все северные княжества, а также Курпфальц⁴, Вюрттемберг, Баден-Дурлах, Баден-Баден, почти все большие вольные города — Франкфурт, Шпейер, Вормс, Страсбург, Нюрнберг, Ульм, Регенсбург — были протестантскими. Католиками оставалась лишь десятая часть немцев. Несмотря на все запреты, епископства, находившиеся в окружении протестантских земель,

⁴ На территории исторической области Пфальц на западе Германии располагалось несколько княжеств, самым значимым из которых было курфюршество Пфальц, или Курпфальц.

также становились владениями протестантов; восточнее Везера в руках католиков осталось лишь епископство Хильдесхайм.

Однако вскоре развитие протестантизма остановилось. Провозглашенный Лютером в 1521 году принцип — не позволять никакой светской власти предписывать себе веру — было невозможно провести в жизнь в реальном мире. Так начались бесплодные богословские споры о нормах и ритуалах. Покинув твердыню римского католицизма, лютеране остановились и начали спорить о том пути, которым следовало двигаться дальше. Раскол среди протестантов был только усугублен проникновением в Германию кальвинизма. Более ясный, холодный и практичный, чем лютеранство, он покорял западные страны. Религиозные споры не способствовали примирению конфессий. Добиться компромисса не удалось, вражда стала столь ожесточенной, что лютеране вскоре стали считать приверженцев Кальвина более опасными, чем паписты, а само слово «кальвинист» стало для них ругательством.

Римская церковь, напротив, благодаря Тридентскому собору омолодилась и смогла укрепить свои позиции. Теперь католики думали о том, чтобы вернуть себе потерянное. Их самым ценным орудием были иезуиты — орден,

основанный Игнатием Лойолой и рассматривавший борьбу с еретиками в качестве своей важнейшей задачи. Этот орден был организован бывшим солдатом на основе строжайшей военной дисциплины. Иезуиты отправили в Германию своих агентов; вскоре они завладели не только вниманием католических князей, но и сердцами молодежи в многочисленных созданных ими образовательных учреждениях. Тот, кого слушали князья и молодежь, мог быть уверен в своем будущем. Орден капуцинов также принял участие в распространении католической веры. Жившие по заветам своего основателя, святого Франциска, в бедности и просившие милостыню, капуцины находили путь в самые беднейшие слои населения, но одновременно не пренебрегали и высокой дипломатией. На войне они стремились внушить солдатам религиозное рвение; неслучайно Шиллер изобразил в лагере Валленштейна священника-капуцина.

В то время как протестанты силой захватывали епископства, католические духовные князья точно таким же образом, вопреки гарантиям Фердинанда, вынуждали своих подданных возвращаться в прежнюю веру. Базой Контрреформации на севере Германии были Испанские Нидерланды, правитель которых

Филипп II обеспечил религиозной идее светскую поддержку. Филипп II был главой испанской линии Габсбургов; главой австрийских Габсбургов и императором являлся Максимилиан II, который, напротив, испытывал симпатии к лютеранству и пытался найти компромисс между ним и католицизмом. Однако к кальвинизму и он испытывал отвращение. Эта половинчатость ослабляла его власть и авторитет, он не мог справиться с внутренними проблемами Империи и с ее внешними трудностями. Несмотря на героическую оборону Сегета войсками Зриньи, Максимилиану II не удалось добиться решающего успеха в войне с турками; он практически никак не участвовал в борьбе в Нидерландах, которые формально входили в состав Империи. Князья должны были самостоятельно решать свои проблемы и проблемы своих соседей.

Из-за бессилия Империи в целом росла мощь князей, неважно, какой конфессии они придерживались. Власть императора была со всех сторон ограничена имперскими сословиями. Вопрос военной организации, а также войны и мира решался рейхстагом⁵.

⁵ Рейхстаг — сословно-представительский орган, на котором были представлены курфюрсты, другие имперские князья и города. Собирался

В Имперском верховном суде император мог назначать лишь малую часть судей. Вопросами налогообложения занимались сословия, в церковных вопросах власть императора распространялась только на наследственные земли Габсбургов. Священная Римская империя германской нации превратилась в сословную республику во главе с бессильным монархом. Максимилиан II пытался реформировать военную организацию и усилить свою власть в этой сфере, но на рейхстаге в Шпейере в 1570 году его предложения не были приняты из-за недоверия к нему обеих религиозных партий.

Сословия сами по себе были далеки от единства, конфессиональный раскол привел к острым политическим конфликтам. Кальвинисты и лютеране группировались вокруг двух центров — курфюршество Пфальц и курфюршество Саксония соответственно; они с подозрением смотрели друг на друга. Император смог использовать эти противоречия, чтобы обеспечить своему сыну Рудольфу, выросшему при мадридском дворе, избрание на престол, не делая никаких уступок протестантам.

Император Рудольф II руководствовался в германских делах программой испанских периодически, решал важнейшие вопросы, касавшиеся Империи в целом.

Габсбургов. Он стремился укрепить католицизм, а также свою власть по отношению к сословиям. В его лице стремление к единству выступало против стремления к свободе. Зависимость Рудольфа II от испанского влияния еще больше обострила противоречия; в нем видели не только католика, но и иностранца. Сословия опасались, что Империя станет частью всемирной монархии Габсбургов.

Рудольф II был слабым императором, подверженным страстям и в итоге сошедшим с ума. Однако именно при нем началась масштабная борьба с протестантизмом и княжеской вольницей. В Вене теперь говорили о том, что Аугсбургский мир был заключен не навсегда; это нарушало равновесие в Империи. Самым радикальным борцом был племянник императора, эрцгерцог Фердинанд. Воспитанный иезуитами, набожный и фанатичный, он стремился к восстановлению позиций католицизма. Он силой загонял жителей Штирии, Каринтии и Краины, которыми управлял, в лоно старой церкви. Через иезуитов при Пражском дворе он влиял на императора, который стал действовать в своих землях аналогичным образом.

Столь же жестко Габсбурги действовали в Империи. В городе Донауверт, населенном преимущественно протестантами, возникли

беспорядки из-за того, что по улицам торжественно прошла процессия монахов из единственного маленького монастыря, находившегося поблизости. Имперский придворный совет, нарушив действующий порядок, поручил принять меры в отношении жителей города курфюрсту Максимилиану I Баварскому — другу детства и единомышленнику Фердинанда Штирийского. Баварский курфюрст не только призвал иезуитов и разрешил исключительно католическое богослужение, но и фактически присоединил вольный город к своим владениям.

Подобные злоупотребления побудили нескольких немецких князей объединиться в 1608 году на рейхстаге в Регенсбурге для защиты протестантских интересов. Оказавшись перед лицом католического большинства, к которому примкнул саксонский курфюрст, и не сумев добиться выполнения собственных требований, князя Курпфальца, Бранденбурга, Гессен-Касселя, Ангальта и других территорий покинули рейхстаг, тем самым фактически сорвав его заседания. Этим, однако, дело не ограничилось. В мае того же года в ансбахской деревушке Ахаузен по инициативе Христиана I Ангальт-Бернбургского был заключен союз протестантских князей — Евангелическая уния. Его

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru